

Интервью номера

Роковые «49» Дмитрия Савицкого

Юрий КОВАЛЕНКО, Париж

— Почему вдруг столь популярная джазовая программа исчезла из расписания «Свободы»?

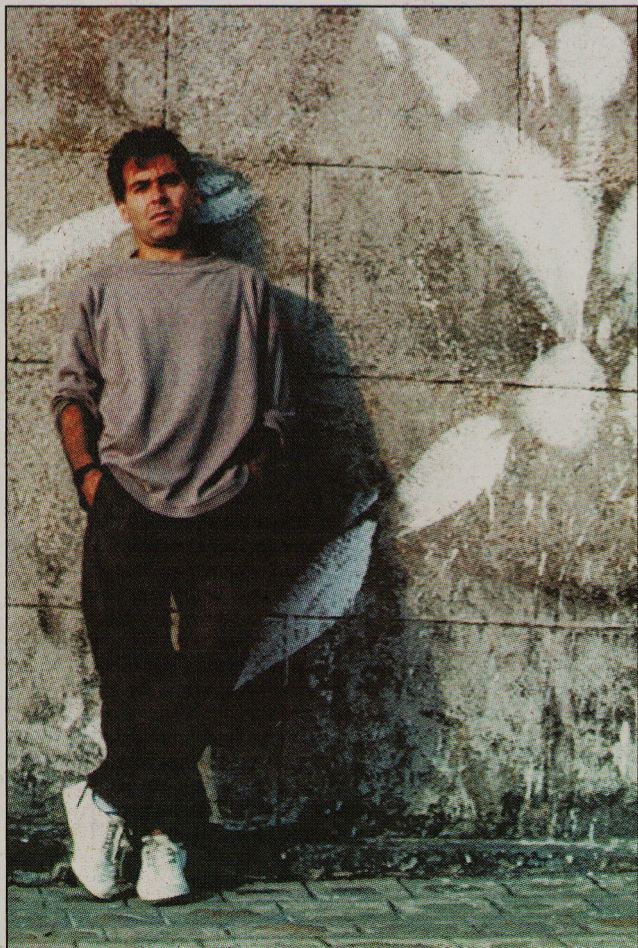
— Радио переходит на новый формат вещания. Это новости и talk-show, динамичный укороченный формат, в который не вписываются передачи в 50 минут. Насколько мне известно, дирекция Русской службы пыталась сделать все, чтобы «49 минут джаза» уцелели. Но, увы, из этого ничего не вышло.

— Значит, похороны, реквием и мировая скорбь фанов?

— Отнюдь нет! «Имейлов» приходят сотни, письма тех, у кого нет Интернета, видимо, доберутся до Парижа чуть позже, но я думаю, что (вспомним Твена) известия о том, что «49» скончались, сильно преувеличены. Я намерен возродить программу под другим названием и в измененном формате в российском эфире и в эфире ближнего зарубежья. Какие-то предложения уже поступили, но я жду серьезных и солидных, чтобы не пришлось перепрыгивать с волны на волну.

— Действительно ли программа «49» была так уж популярна?

— Отдел статистики Радио «Свобода» исчез где-то на границе переезда из Мюнхена в Прагу, но, насколько я понимаю, в конце 80-х аудитория станции исчислялась десятками миллионов, а «49» быстро оказались впереди. В остальном я могу судить лишь по переписке, по гигантскому количеству писем, приходивших с самого начала перестройки. Когда после эфира «49» вышли и в интернетовское пространство, передачу стали слушать в Австралии, Израиле, США, Аргентине, Центральной и Западной Европе. Во Франции, к примеру, — учителя русского языка...

Писатель Дмитрий Савицкий, парижанин с 1978 года, автор пяти книг, вышедших по-французски, фотограф, журналист и радиожурналист, родом из Москвы, где он прожил 34 года, пока судьба его не закинула во Францию. Статус политического беженца он получил незадолго до выезда, начав широко печататься во французской прессе — от левой «Либерасьон» до вовсе не левого «Пари-матча», в журналах «Магазин литературы», «Л'Отр журнал», «Люи», «Рок & Фольк» и «Эхо Саван», «Монд», но больше всего — в «Монд де ля Мюзик». Литературные портреты, эссе и репортажи из Нью-Йорка и Лос-Анджелеса прекратились в 1988 году, когда он запустил в эфир свои популярные и свингующие «49 минут джаза» на радиостанции «Свобода».

В советской жизни ДС — именно так его и зовут нынче в России — был автором стихов, циркулировавших в самиздате, отслужил три года в атомной зоне Томска-7, был исключен из Литинститута за первую повесть, найденную антисоветской, хлопотами Никиты Богословского избежал «Лефортова», лишь побывав там на допросах, слыл внесезонным коктейльщиком и всесезонным теннисистом.

— С чего, собственно говоря, началось ваше увлечение джазом?

— Я помню, что ползал года в три возле патефона на даче, иголки которого от меня прятали.

— Этот трофей отец привез с войны?

— Скорее дед. Я рос у деда, генерала Генштаба, который, к огорчению бабки, не привез с войны, как наши соседи, ни

«стейнвейнов», ни хрустали... Зато был ламповый «Филипс», который я и начал осваивать лет в 12, когда дед уезжал на Кавказ. И это была та самая, как у всех нас, «любовь с первого звука» — сквозь треск разорванного пространства — «Music USA» Уиллиса Коновера...

— Вас в детстве учили музыке?

— Ровным счетом ничему не учили. Но мой школьный приятель Вова Сулов уже тоже «влип» в джаз, а его отец, тренер по гандболу и международный судья, начал кое-что привозить из-за бугра. Да и «Мелодия» разродилась двумя-тремя дисками — с Эллой Фицджералд, Фрэнком Синатрой, Сатчмо, Эллингтоном.

— Дома ваше увлечение не порипалось?

— Да это уже была жизнь подпольщика... В 14 лет я заводил школьной радиорубкой, а там стоял настоящий полувоенный приемник, и уж он брал всю планету. Мать мне подарила ко дню рождения магнитофон «Яуза», и я на него писал все подряд — от рока до блюза...

— Рок и вас не миновал?

— Конечно, нет! Билл Хейли! Литл Ричард! Поль Анка! Я знал их всех и крутил на школьных вечерах, когда уходил завуч. Элвис Пресли на ребрышках! Трешник штука! «Рок вокруг часов!» Все шло, как по хорошему сценарию, — голубые брюки дудочкой, комсомольские дружинники, которые нас ловили. Дедовский маузер, который я таскал в рваной кожаной куртке... Черте что! Сам не верю!

— Насколько я понимаю, вы и писать начали рано?

— Лет в 12–13 я уже что-то кропал под влиянием двух переводных гениев — Гарсия Лорки и Гийома Аполлинера. Особенно меня поразила «Зона» Аполли-

нера. Но я рано ушел из дому... Кстати, из школы меня тоже исключили: «за несоветское отношение к советской девушке» — обнимались под яблоней ночью во время летней практики в колхозе. Работал на заводе токарем, фрезеровщиком. Там были молодые парни, которые сочиняли.

К ним я и ушел жить — в барак на Соколе. С ними же читал и запомнил на десятилетия изданные в самиздате стихи Мандельштама, Ахматовой, Пастернака, Цветаевой, Заболоцкого. С этими же ребятами я пошел работать рабочим сцены в театральную студию «Современник», на Маяковке. То были легендарные для студии годы. Там я подружился с актером Валей Никулиным, отличным джазовым пианистом, и он дал мне записать два первых настоящих диска — Эллу Фицджералд «Как некто влюбленный» и сверхклассику Майлза Дейвиса, альбом с названием непонятным «Kind of Blue».

— Ну а где же были настоящие «пластинки», фанаты джаза?

— Все они жили на Маяковке рядом с театром. Но перед самым призывом в армию на пищевой фабрике им. товарища Микояна, где я работал электромонтером, я познакомился со студентом иняза Биллом. Он и был главным знатоком джаза в тот период моей жизни и притащивал мне Ахмад Джамала, Джерри Маллигана, Стена Гетца и прочих Диззи Гиллеспи...

— В армии — строевые песни вместо маршей Арта Блейки?

— Никак нет! Моя подруга прислала мне мой маг, и какое-то время я умудрялся по воскресеньям озвучивать весь военный городок. И, на мое счастье, в караулах той эпохи также были коротковолновые военные приемники из чистого листового железа. Я ловил Уиллиса Коно-

вера и даже, манипулируя штекерами, когда не было на зоне офицеров, запускал ранний «хард-боп» и свинг по постам Томска-7, самого большого в мире подземного завода по производству военного плутония.

— В армии, конечно, писать не приходилось?

— Да уж там попишешь! Мы лишь читали с другом-почтальоном Сашей Шайкиным наизусть друг другу километры запрещенных стихов...

— Потом дембель, возвращение в нормальную жизнь?

— Это было самое трудное. У меня никогда не было своего места — как и сейчас, всегда было негде жить. В коммуналке в Лиховом в Москве, где жила мать, соседи согласились отдать мне четырехметровый чулан — вот там и началась моя серьезная жизнь, серьезные попытки сочинять и думать.

— Но Генрих Сапгир вас причислял к узкому кругу неофициальных поэтов...

— Так оно и было. Пока я был в армии, созрел СМОГ (Самое Молодое Общество Гениев Леонида Губанова). Переехали в Москву с Украины Володя Алейников, Эд Лимонов и Вагрич Бахчанян. Они на долгие годы и стали моей компанией, моими друзьями. Джаз слегка был «отложен» в сторону.

— А что вас перебрало в Париж?

— Между Парижем и Москвой был еще и Коктебель. Я был в течение многих лет внесезонным коктейльщиком, и это, наверное, самый счастливый период моей жизни. Париж? «Ищите женщину»... Одна голубоглазая француженка с русской фамилией Ольга Потемкина, которой, увы, больше нет, перетянула меня к себе, в 14-й округ Парижа. Она переселила во мне все: сти-

хи, прозу, джаз, теннис, друзей, родных... Так что 14 июля 1978 года я стоял на парижской площади Конгрэскарп, от которой до моего нынешнего дома три минуты пешком, и смотрел на праздничный салют. Был День взятия Бастилии, но я думал, что праздновали мой приезд.

— Джаз был забыт окончательно?

— Наоборот! С него и началась моя парижская карьера. Моя первая статья в «Монд де ля мюзик», появившаяся где-то месяца через два, осенью 1978-го, была посвящена московским фанатикам джаза, тому, как мы находили несуществующие диски, перезаписывали, изучали историю джаза и ее героев. Главный редактор журнала Луи Дандрель был мужем Оливь Кай, которая была вторым номером в издательстве «Латтес». Она мне и предложила написать книгу о жизни современных русских, точнее, советских людей. Я получил приличный по тем временам аванс, снял шестикомнатную квартиру на Бастилии, купил на барахолке стол, поставил на него свою «Эрику», которая провела эдак с год в кабинете следователя в «Лефортово» и, увы, украл в соседнем кафе плетный стул. Матрас был найден на помойке, а всем остальным меня снабдили новые французские друзья — дети и внуки белых иммигрантов.

— Это и были «Раздвоенные люди»?

— Именно... Я написал «Раздвоенных людей», параллельно работая для «Либерасьон», которая была в те времена все еще газетой молодых бунтарей: всем платили одинаково, и все ходили в драных джинсах и кожаных куртках. Главный редактор Серж Жюли дал мне карт-бланш, и я выпускал всю зиму 1979 года двойные полосы в «Либе», как ее зовут французы.

— Ваши четыре книги той эпохи: «Раздвоенные люди», «Антигид по Москве», «Ниткуда с любовью» и «Вальс для К», с которыми вас пригласили на телешоу «Апостроф» знаменитый ведущий Бернар Пиво... В прошлом году вышла во Франции ваша «Тема без вариаций». Почему нужно было бросать эту литературную карьеру и запускать джаз?

— Пером нынче могут жить лишь страусы да гаги. Я внештатничал в дюжине журналов, но надвигался экономический кризис, и работы было все меньше и меньше. «Монд де ля мюзик» заказал мне интервью с пианистом Хорасом Сильвером, у которого я и побывал дома в Малибу, в Калифорнии. Я записал его на плохонький магнитофон, но позже предложил моему другу писателю Сергею Юренину, редактору парижского бюро «Свободы», пустить интервью в эфир. В Мюнхене на «Свободе» главный продюсер Руслан Гелисханов заинтересовался передачей. Меня вызвали туда, в штаб-квартиру, и мы подготовили пилотную программу. С тех пор вышло почти 700 передач. Каждый уикенд в течение 16 лет...

— И какие же теперь у вас планы?

— Перезапустить «49», но уже на УКВ, в стерео, и закончить новый роман...

Савицкий Дмитрий

16.04.2004